

Костригин А.А.
Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина
Москва

**Е.М. ГАНФМАН В ЭМИГРАЦИИ:
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ
МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВЕТСКИХ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
У ВЫХОДЦЕВ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

В настоящее время возрастает интерес к изучению научного наследия русских психологов-эмигрантов, покинувших Россию по различным причинам в XIX и XX в. Данную область исследований можно обозначить как «российское психологическое зарубежье». Данное понятие является составной частью понятия «российское научное зарубежье», описываемого В.П. Борисовым и М.Ю. Сорокиной (Борисов, 1994; Сорокина, 2010), и обозначаемого как «совокупность всех специалистов, имевших печатные труды и принимавших участие в деятельности российского научного сообщества, – граждан Российской империи / Российской республики / СССР / Российской Федерации, по различным причинам покинувших страну и / или работавших длительное время за рубежом» (Сорокина, 2010, с. 84-85). Ставя задачу обоснования термина «российское психологическое зарубежье» как исследовательской области и группы ученых, дадим ему определение: это группа психологов, философов и других мыслителей, которые разрабатывали вопросы психологии, родились / жили в Российской империи / СССР / России, писали на русском языке, но покинули страну. Выделение данной области позволит рассматривать в конкретной стране эмиграции и в конкретный период разработанные психологами идеи с точки зрения влияния новых факторов на этот процесс (например, психологической традицией страны эмиграции, если ученый встроился в сообщество, личными обстоятельствами и др.); также возможен учет направлений психологической мысли, которые существовали до Октябрьской революции 1917 г. и «эмигрировали» в месте отъездом и высылкой ученых-психологов после нее.

Среди крупных ученых-психологов российского психологического зарубежья можно назвать Е.В. Антипову, В.В. Зеньковского, И.И. Лапшина, Н.О. Лосского, Г.Я. Трошина, С.Л. Франка, И.П. Четверикова, С. Шпильрейн и др. Наряду с крупными именами в данной категории присутствуют и мало известные персоналии, внесшие свой вклад в развитие психологии. Мы обращаемся к творчеству Евгении Моисеевны Ганфман (1905-1973) – русско-американского психолога. Е.М. Ганфман является специалистом в области психологии восприятия, пси-

хологии мышления, клинической психологии, психодиагностики, социальной психологии, психотерапии и психологического консультирования.

Е.М. Ганфман родилась в 1905 г. в Санкт-Петербурге, но после революции в 1920 г. (Российское научное зарубежье, 2010; Simmel, 1986) (по другим источникам – в 1921 г. (Жарова, Кочнева, Мурзина, Батыршина, 2018)) вместе с семьей эмигрирует в Ковно в Литве, затем в 1922 г. – в Германию, где поступает в Йенский университет им. Ф. Шиллера. Здесь она учится у Вильгельма Петерса (1880-1963) и защищает диссертацию на тему «Формирование зрительных ассоциаций» (1927). В 1930-1932 гг. работает в лаборатории Курта Коффки (1886-1941) в Колледже Смит (Нортгемптон, США) вместе с другими русскими эмигрантами Тamarой Дембо (1902-1993) и Марией Рикерс-Овсянкиной (1898-1993) и занимается изучением восприятия, памяти, воображения, мышления, опираясь на парадигму гештальтпсихологии. Результатом данного научного периода стали исследования пространственного восприятия у детей, восприятия фигур и их сравнения у взрослых и др.

В 1932-1935 гг. Е.М. Ганфман работает психологом в Ворчестерской государственной больнице (США) под руководством Дэвида Шакова (1901-1981) и знакомится с различными патопсихологическими феноменами: изучает социально-психологические вопросы лечения и взаимодействия пациентов и врачей в клинике, овладевает психодиагностическим инструментарием, работает с когнитивными нарушениями пациентов.

В 1936 г. Е.М. Ганфман переходит работать в Больницу Майкла Риза (Чикаго, США) совместно с Якобом (Джейкобом) Казаниным (1897-1946). Вместе они разрабатывают клинко-психологические и патопсихологические проблемы, развивают некоторые идеи Л.С. Выготского относительно развития понятийного мышления и когнитивных процессов у больных шизофренией (Выготский, 1932). Они модифицируют методику формирования искусственных понятий Выготского-Сахарова (The Hanfmann-Kasanin Concept Formation Test) (Выготский, 1982; Сахаров, 1930; Hanfmann, Kasanin, 1937). Изменив постановку задачи в методике, по их мнению, создается более определенная для испытуемого ситуации, при которой у него возникает установка на категоризацию и на инсайт, что позволяет четко увидеть процесс функционирования понятийного мышления. Далее Е.М. Ганфман изучает у психически здоровых личностные паттерны функционирования интеллекта. Она разделяет данные паттерны на перцептивные понятийные по доминантности одного когнитивного процесса над другим. Продолжая деятельность по распространению идей Л.С. Выготского, Е.М. Ганфман совместно с Гертрудой Вакар (1904-1973) переводит книгу Л.С. Выготского «Мышление и речь» (Thought and language) в 1962 г. (Vygotsky, 1962).

В 1939-1944 гг. работает ассистентом профессора в Колледже Маунт Холиок (Южный Хедли, Массачусетс) и под руководством Курта Гольдштейна (1878-

1965) занимается вопросами психологии личности.

В 1944-1946 гг. работает в научном коллективе при Управлении стратегических служб США (Фэрфакс) под руководством Генри Мюррея (1893-1988). Здесь они исследуют личностные и психические особенности военных и сотрудников спецслужб.

В 1946-1952 гг. она работает преподавателем клинической психологии на Отделении социальных отношений в Гарвардском университете и сотрудничает с Русским исследовательским центром. Последнее отражается в ее работах, посвященных изучению психологических особенностей личности выходцев из СССР, которые мы осветим подробнее ниже.

С 1952 г. и до конца своей жизни Ганфман работает профессором психологии и директором Центра психологического консультирования при Университете Брандайза (США). На эту должность ее рекомендовал Абрахам Маслоу (1908-1970). В это время Ганфман касается нового для себя направления: психологическое консультирование и психологическая коррекция личности и поведения студентов.

Е.М. Ганфман можно также обозначить последовательницей Л.С. Выготского (Костригин, 2018): она осуществила первый английский перевод книги Л.С. Выготского «Мышление и речь» (1962, совместно с Г. Вакар), модифицировала методику формирования искусственных понятий Выготского-Сахарова, опиралась на идеи Л.С. Выготского при изучении особенностей мышления и личности при шизофрении.

Особое внимание стоит уделить исследованиям Е.М. Ганфман в области организационной психологии и психологии труда, но в уникальном аспекте: она принимала участие в Гарвардском проекте по изучению Советской социальной системы (Harvard Project on the Soviet Social System) (1950-1953), в рамках которого проводились интервью с советскими эмигрантами, жившими в Европе и США (Inkeles, Bauer, 1961). Среди исследовательских вопросов этого периода научной деятельности ученого можно отметить: личностные особенности русских эмигрантов в ситуациях межличностного взаимодействия, решения групповых задач, конфликта; советские психологические установки, сформированные под влиянием советских условий жизнедеятельности и тоталитарного режима, особенности психического здоровья и эмоционального реагирования и др. Здесь мы сосредоточимся на результатах исследований Е.М. Ганфман относительно личностных особенностей выходцев из Советского Союза и особенностей трудовых отношений в условиях советской социальной системы. Данная проблема напрямую связана с социально-экономическим поведением людей в СССР: руководствуясь определенными установками и моделями поведения, они организуют трудовую, хозяйственную и экономическую сферу жизнедеятельности особым образом.

Исследуя особенности межличностного взаимодействия в рабочих условиях у советских эмигрантов, Е.М. Ганфман совместно с Дж. Гетцельсом (Ганфман, Гетцельс, 2017; Hanfmann, Getzels, 1955) организовали следующую процедуру исследования: в рамках беседы с испытуемыми они задавали им вопросы, касающиеся условий их трудовой деятельности и организационных отношений с начальником и другими сотрудниками. Для данного исследования использовалась методика «Тест эпизодов» (адаптация «Инсайт-теста» Х. Сарджент). «Эпизоды» содержали описание ситуаций профессиональной или повседневной жизни, в ответ на которые испытуемый должен был описать вероятный исход или результат. Приведем описание трех эпизодов, которые направлены на изучение организационной специфики взаимоотношений советского человека: 1) «Бригадир считает, что работающие у него люди выполняют работу неудовлетворительно. Он спрашивает своего начальника, что он должен сделать, и начальник говорит ему, что не нужно слишком беспокоиться, что все разрешится, само собой. Но все-таки день за днем бригадир видит, что производительность его цеха падает, в то время как другие цеха, похоже, работают с высокой отдачей. Что он будет делать в этой ситуации и почему?»; 2) «Бригадир рассказывает рабочему, как тот должен выполнять определенную работу. Рабочий отвечает, что он сделает это по-другому, по-своему, и подготовит все вовремя. Бригадир настаивает на том, чтобы поступал так, как ему велят, но рабочий все еще думает, что его способ лучше. Что сделает рабочий и почему?»; 3) «На заводе, где работает один человек, все работники недовольны из-за увеличения требуемых темпов производства и решают организовать забастовку; но для того, чтобы она достигла успеха, все работники должны принять в ней участие. Однако этот человек считает, что данная жалоба не оправдана, что требуемый уровень не слишком высок. Его друзья просят его присоединиться к ним. Что он будет делать и почему?» (цит. по: Ганфман, Гетцельс, 2017, с. 16). Кратко опишем ответы советских эмигрантов на эти ситуации.

Анализируя результаты ответов выходцев из Советского Союза на ситуации, Е.М. Ганфман и Дж. Гетцельс выделяют два аспекта: особенности советских условий жизни и труда и особенности поведения в межличностном взаимодействии. Первая ситуация (конфликт начальника высшего звена с начальником низшего звена; проблема ответственности) выявляет следующее: 1) особенности советских условий жизни и труда: существует опасность для бригадира; этот бригадир окажется виновным за плохие результаты работы его цеха и его накажут («будет найдена политическая мотивация», «концентрационный лагерь»); бригадир будет обращаться к вышестоящим организациям (партия, профсоюз, спецотдел и НКВД); 2) особенности поведения в межличностном взаимодействии: советский бригадир будет сосредоточен на том, как решить проблему, в

управлении будет выбирать следующие методы: дисциплинирование, манипулирование, делегирование ответственности.

Вторая ситуация (конфликт начальника и подчиненного; симпатия к начальнику или подчиненному; проблема эффективность трудовой деятельности) показывает следующее: 1) существует опасность и для бригадира (жалоба рабочего – подрыв работы бригадиром), и для рабочего (неподчинение – жалоба – суд); при неудачных результатах работы видится уголовное наказание; 2) советские эмигранты больше симпатизируют рабочему по причине его компетентности и возможности регулировать ситуацию с помощью «каналов коммуникации снизу-вверх» (обратиться в вышестоящие инстанции); вместе с тем были и симпатии к бригадиру из-за его компетентности, авторитарности и правоты; рабочий, скорее, поступит как предлагает бригадир или обратиться с предложениями в вышестоящие инстанции; поведение рабочего описывалось как опирающееся на мотивы, связанные с самоуважением, авторитаризмом и подчинением (страхом).

Результаты третьей ситуации (групповая забастовка; давление группы) показывают следующее: 1) испытуемые говорили, что такая ситуация в принципе невозможна в советских условиях («рабочие советского завода не могут собраться вместе и прекратить работать»; «в Советском Союзе этот человек может даже подумать, что его проверяют провокаторы, и в целях самосохранения он донесет на них»); это невозможно из-за суровых последствий (обвинение в саботаже; угроза шпионажа или доноса); рабочий, не разделяющий позицию группы, назывался стахановцем, которого никто не любит (выскочка, карьерист и т.п.); 2) эта ситуация выявляет конфликт человека и государства; источник власти советский человек видит в политическом режиме; мотивы сопротивления группе основываются на бесполезности группового плана, страхе репрессий со стороны начальства, личной выгоде, отсутствия желания удовлетворять потребности других; мотивы подчинения группе заключаются в приверженности группе, дружбе, симпатии, в позиции «большинство всегда решает», в страхе изоляции.

Ведущей темой обсуждений рабочих условий и трудового взаимодействия в Советской системе являлась опасность для человека и угроза его жизни по политическим мотивам: любые частные действия отдельных лиц, будь то преднамеренные или непреднамеренные, могут быть истолкованы как самовольный подрыв режима, и, как таковые, строго наказываются. Вместе с тем, у большинства советских эмигрантов присутствовало стойкое чувство принадлежности к коллективу, понимание чувств и потребностей других людей и высокая положительная оценка этой принадлежности.

Данное исследование является уникальным как в научной организации, так и в плане выборки: советские послевоенные эмигранты были не просто «выборкой», но имеющей на себе печать тоталитарного режима.